

Александр
БЛОК

Сочинения

Александр Александрович Блок

Ответ Мережковскому

«Ужасно презрительное и предвзятое отношение к делу. Впрочем, Мережковский не виноват в том, что его личная тема мешает ему отнестись сколько-нибудь внимательно к чьей бы то ни было чужой теме; виноват он только в том, что почел необходимым обругать то, до чего ему не было никакого дела: символическую школу поэзии (к которой сам он, однако, принадлежит); да и в этом он, пожалуй, не виноват, потому что в тяжелых условиях русской культуры лежит, по-видимому, до сих пор эта непримиримая вражда современников между собою; всякий только и смотрит и ищет, как бы ему кого-нибудь обругать, притом, – чем ближе человек, тем язвительней и беспощадней. Кто знает, может быть, в те времена, когда взаимные отношения людей в России станут, что называется, вполне культурными, кто-нибудь вспомнит старое и вздохнет о нем, как о золотом детстве...»

Александр Блок

Ответ Мережковскому

В своем фельетоне «Религия и балаган», посвященном критике статей Вяч. И. Иванова и моей о символизме, Д. С. Мережковский, между прочим, уличал нас в сатанинской гордости и цитировал мою фразу: («Как сорвалось что-то в нас, так сорвалось оно и в России. Как перед народной душой встал ею же созданный синий призрак, так встал он и перед нами. И сама Россия в лучах этой новой (вовсе не некрасовской, но лишь традицией связанной с Некрасовым) гражданственности оказалась нашей собственной душой».)

Ужасно презрительное и предвзятое отношение к делу. Впрочем, Мережковский не виноват в том, что его личная тема мешает ему отнестись сколько-нибудь внимательно к чьей бы то ни было чужой теме; виноват он только в том, что почел необходимым обругать то, до чего ему не было никакого дела: символическую школу поэзии (к которой сам он, однако, принадлежит); да и в этом он, пожалуй, не виноват, потому что в тяжелых условиях русской культуры лежит, по-видимому, до сих пор эта непримиримая вражда современников между собою; всякий только

и смотрит и ищет, как бы ему кого-нибудь обругать, притом, – чем ближе человек, тем язвительней и беспощадней. Кто знает, может быть, в те времена, когда взаимные отношения людей в России станут, что называется, вполне культурными, кто-нибудь вспомнит старое и вздохнет о нем, как о золотом детстве.

Я совсем не хочу спорить с Мережковским, но начал с него потому, что многие вслед за ним, пожалуй, считают гордым и самоуверенным утверждение: «как Россия, так и мы».

На самом же деле, что особенно самоуверенного в том, что писатель, верующий в свое призвание, каких бы размеров этот писатель ни был, сопоставляет себя со своей родиной, полагая, что болеет ее болезнями, страдает ее страданиями, сораспинается с нею, и в те минуты, когда ее измученное тело хоть на минуту перестают пытаться, чувствует себя отдыхающим вместе с нею?

Чем больше чувствуешь связь с родиной, тем реальнее и охотней представляешь ее себе, как живой организм; мы имеем на это право, потому что мы, писатели, должны

смотреть жизни как можно пристальней в глаза; мы не ученые, мы другими методами, чем они, систематизируем явления и не призваны их схематизировать. Мы также не государственные люди и свободны от тягостной обязанности накидывать крепкую стальную сеть юридических схем на разгоряченного и рвущегося из правовых пут зверя. Мы люди, люди по преимуществу, и значит – прежде всего обязаны уловить дыхание жизни, то есть увидеть лицо и тело, почувствовать, как живет и дышит то существо, которого присутствии мы слышим около себя.

Родина – это огромное, родное, дышащее существо, подобное человеку, но бесконечно более уютное, ласковое, беспомощное, чем отдельный человек; человек – маленькая монада, состоящая из веселых стальных мышц телесных и душевных, сам себе хозяин в этом мире, когда здоров и здрав, пойдет, куда захочет, и сделает, что пожелает, ни перед кем, кроме Бога и себя, не отвечает он за свои поступки. Так пел человека еще Софокл, таков он всегда, вечно юный.

Родина – древнее, бесконечно древнее су-

щество, большое, потому неповоротливое, и самому ему не счесть никогда своих сил, своих мышц, своих возможностей, так они рассеяны по матушке-земле. Родине суждено быть некогда покинутой, как матери, когда сын ее, человек, вырастет до звезд и найдет себе невесту. Эту обреченность на покинутость мы всегда видим в больших материнских глазах родины, всегда печальных, даже тогда, когда она отдыхает и тихо радуется. Не родина оставит человека, а человек родину. Мы еще дети и не знаем сроков, только читаем их по звездам; но, однако, читаем уже, что близко время, когда границы сотрутся и родиной станет вся земля, а потом и не одна земля, а бесконечная вселенная, только мало крыльев из полотна и стали, некогда крылья Духа понесут нас в объятия Вечности. Время близко, потому что мы читаем о нем в звездах, но оно бесконечно далеко для нашего младенческого духа, так далеко, как звезды от авиатора, берущего мировой рекорд высоты. И земная родина еще поит нас и кормит у груди, мы ей обязаны нашими силами и вдохновениями и радостями.

Родина подобна своему сыну – человеку. Когда она здорова и отдыхает, все ее тело становится таким же чувствительным, как здоровое человеческое тело; нет ни одного пункта, подверженного анестезии, все дышит, видит, на каждый удар или укол она поднимает гневную голову, под каждой лаской становится нежной и страстной. Органы чувств ее многообразны, диапазон их очень велик. Кто же играет роль органов чувств этого подобного и милого нам существа?

Роль этих органов играют, должны играть все люди. Мы же, писатели, свободные от всех обязанностей, кроме человеческих, должны играть роль тончайших и главнейших органов ее чувств. Мы – не слепые ее инстинкты, но ее сердечные боли, ее думы и мысли, ее волевые импульсы.

Так ли это на самом деле есть, как должно быть?

Я думаю, что это, как было прежде, так и есть теперь. Если и есть неблагополучие в этом вопросе, то неблагополучие поправимое. Ничто не погибло, все поправимо, потому что не погибла она и не погибли мы.

Неблагополучие было в том, что мы были слишком слабы, чтобы руководить тяжело страдающим существом, и во всем уподобились ему. Но поистине нечеловеческие силы надо было иметь, чтобы руководить существом, каким была вздернутая на дыбы, разгневанная и рвущая путы Россия начала нашего века.

Многие недоумевали и негодовали на мое описание «лиловых туманов» и были, пожалуй, правы, потому что это самое можно было сказать по-другому и проще. Тогда я не хотел говорить иначе, потому что не видел впереди ничего, кроме вопроса – «гибель или нет», и самому себе не хотел уяснить. Когда чувствуешь присутствие нездешнего существа, но знаешь, что все равно не сумеешь понять, кто оно и откуда, – не надо разоблачать его лица.

Россия была больна и безумна, и мы, ее мысли и чувства, вместе с нею. Была минута, когда все чувства нашей родины превратились в сплошной, безобразный крик, похожий на крик умирающего от мучительной болезни. Тело местами не чувствует уже ничего, местами – разрывается от боли, и все это мно-

гообразии выражается однообразным, ужасным криком. Этим криком был одно время Л. Андреев, но, к сожалению, он продолжал кричать тогда, когда уже ничто кругом не кричало, он стал пародией своей собственной некогда подлинной муки, являя неумный и смешной образ барабанщика, который, сам себя оглушая, продолжает барабанить, когда оркестр, которому он вторил, замолк.

Ноябрь 1910